

Политическая лингвистика. 2022. № 6 (96).
Political Linguistics. 2022. No 6 (96).

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38:821.161.1
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШЗ3(2Рос=Рус)
doi: 10.26170/1999-2629_2022_06_18

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

Наталья Борисовна Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, verbalis@mail.ru

Абсурд как средство текстообразования: Гоголь — Булгаков — современные СМИ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена абсурду как средству текстообразования в произведениях Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова. Абсурд интерпретируется автором статьи с содержательно-формальных позиций: и как отсутствие смысла (нелепость, бессмыслица), и как форма трансформации смысла, детерминированная авторской целеустановкой (карнавализация высказывания). В статье сделана попытка выявить репрезентации абсурда в художественной прозе Н. Гоголя и М. Булгакова с опорой на теоретическую модель жанра, созданную Н. Л. Лейдерманом. В прозе Н. Гоголя абсурд является необходимой составляющей человеческого бытия, его системообразующим признаком. Абсурд репрезентирован на уровне плана содержания (использование абсурдных сюжетных ходов и ситуаций); плана выражения (передача абсурда посредством субъектной и речевой организации текста) и плана восприятия. К возможностям речевой организации текста в прозе Н. Гоголя можно отнести: инкрустации слова в контекст, намеренные нарушения лексической сочетаемости, особое построение сложных предложений, сочетание в одном предложении смыслов «утверждение — отрицание», смешение стилевых систем, использование средств языковой рефлексии, художественных деталей и иных выразительных средств языка и речи. В свою очередь, специфика прозы М. Булгакова предполагает полуфантастическое и фантастическое воплощение реальной действительности. Для переплетения реальности и фантастики М. Булгаков активно использует возможности хронотопа текстов, лексемы со значением отклонения от нормы («странный», «безумный», «нелепый», «необъяснимый» и др.) и целый ряд речевых средств, выражающих отношение автора к тому, о чем идет речь. Перспективы исследования абсурда автор данной статьи связывает с публицистическим форматом дискурса. Это выявление информационной природы абсурда (первоначальное отсутствие смысла или его трансформации); определение жанровой формы абсурдных высказываний; характеристика функций абсурда и его речевых репрезентаций (средств кодирования); разработка серии приемов и целостной методики декодирования абсурда с целью разоблачения фейковых сообщений.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, абсурд, художественные тексты, художественный дискурс, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, жанровые модели, речевая организация текста, субъектная организация текста, Н. В. Гоголь, М. А. Булгаков.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Абсурд как средство текстообразования: Гоголь — Булгаков — современные СМИ / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 6 (96). — С. 166-173. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_18.

Natal'ya B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, verbalis@mail.ru

Absurd as a Means of Text Generation: Gogol – Bulgakov – Modern Media

ABSTRACT. *The article is devoted to absurd as a means of text formation in the works of N. V. Gogol and M. A. Bulgakov. Absurd is interpreted by the author of the article from the content-formal positions: both as the absence of meaning (absurdity, nonsense), and as a form of transformation of meaning determined by the author's goal setting (carnivalization of utterance). The article attempts to identify representations of absurd in the fiction of Gogol and Bulgakov based on the theoretical model of the genre created by N. L. Leiderman. In the prose of Gogol, absurd is a necessary component of human existence, its system-forming feature. Absurd is represented at the level of content (the use of absurd plot moves and situations), at the level of expression (the transfer of absurd through the subject and speech organization of the text) and at the level of perception. The specificity of speech organization of the text in the prose of Gogol can be attributed to: introduction of words into the context, intentional violations of lexical compatibility, special construction of complex sentences, combination of the meanings of “affirmation — negation” in one sentence, mixing of stylistic systems, the use of means of linguistic reflection, artistic details and other expressive means of language and speech. In its turn, the specificity of Bulgakov's prose presupposes a semi-fantastic and fantastic embodiment of reality. To intertwine reality and fiction Bulgakov actively uses the potential of the text chronotope, lexemes denoting deviation from the norm (“strange”, “insane”, “ridiculous”, “inexplicable”, etc.) and a number of devices expressing the author's attitude to what is being discussed. The author of this article associates the prospects for the study of absurd with the journalistic format of discourse. These prospects may include the identification of the informational nature of absurd (the initial lack of meaning or its transformation); the definition of the genre*

© Руженцева Н. Б., 2022

form of absurd statements; the characteristic of the functions of absurd and its speech representations (coding tools); and development of a series of techniques and a holistic method of decoding absurd in order to expose fake messages.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, absurd, fiction texts, literary discourse, Russian writers, literary creative activity, literary genres, genre models, speech organization of the text, subject organization of the text, N. V. Gogol, M. A. Bulgakov.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Ruzhentseva N. B. (2022). Absurd as a Means of Text Generation: Gogol – Bulgakov – Modern Media. In *Political Linguistics*. No 6 (96), pp. 166-173. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_18.*

Понятие «абсурд» применительно к высказыванию можно рассматривать по крайней мере в двух ракурсах — с позиций содержания и с позиций формы. В аспекте содержания абсурд понимается как «нелепость, бессмыслица» [МАС 1981], «нечто нелогичное, нелепое, противоречащее здравому смыслу» (Википедия). Более широкое определение абсурда дает В. И. Карасик: «Абсурд, понимаемый как значимое отсутствие смысла там, где смысл должен быть, пронизывает все стороны человеческой жизни в связи с тем, что в человеческой природе рациональное неразрывно связано с иррациональным» [Карасик 2010: 136]. Сказанное дает возможным считать абсурдным и нечто нереальное, фантастическое.

В свою очередь, с содержательно-формальных позиций абсурд связан с карнаваллизацией высказывания, ср., например, проявления абсурда в постмодернистских текстах: «...игровая, карнавальная стихия, все подвергается озорным превращениям: бытие и его дом — язык, в реальное причудливо вплетается виртуальное, традиционные способы номинации взрываются и вторгаются в не свое понятийно-тематическое поле, поражая свежестью и оригинальностью формы и содержания» [Сметанина 2002: 87].

В качестве средства текстообразования абсурд активно использовался еще в русской литературе XIX века, и в первую очередь в произведениях Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. М. Е. Салтыков-Щедрин считал абсурдным несправедливое общественное устройство российской жизни — «известный порядок вещей», который и является предметом сатирического изображения, ср. выдержку из письма в редакцию журнала «Вестник Европы» (1871 г.): «Изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а отнюдь не веселонравия... Для меня хронология не представляет стеснений, ибо... я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей» [Цит. по: Горячкина 1976]. В свою очередь, у Н. В. Гоголя абсурд является неотъемлемой составляющей человеческого бытия, его необхо-

димым, системообразующим признаком, что было отмечено исследователями творчества писателя, ср., например, высказывание В. Набокова: «Абсурд был любимой музой Гоголя, но когда я употребляю термин „абсурд“, я не имею в виду ни причудливое, ни комическое... Было бы неправильно утверждать, будто Гоголь ставит свои персонажи в абсурдные положения. Вы не можете поставить человека в абсурдное положение, если весь мир, в котором он живет, абсурден; не можете, если подразумевать под словом „абсурдный“ нечто, вызывающее смех или пожатие плеч. Но если под этим понимать нечто, вызывающее жалость... тогда возникает нужная брешь, и жалкое существо, затерянное в кошмарном, безответственном гоголевском мире, становится „абсурдным“ по закону, так сказать, обратного контраста» [Набоков 1996: 125].

В данной статье мы попытались выявить репрезентации абсурда в художественной прозе с опорой на теоретическую модель жанра. Выбранная для анализа модель имеет трехчастную структуру: план содержания, план выражения, включающий основные носители жанра (субъектную, пространственно-временную и интонационно-речевую организацию, а также ассоциативный фон) и план восприятия [Лейдерман, Липовецкий, Барковская, Ложкова 1996]. Абсурд в произведениях Н. В. Гоголя репрезентирован на уровнях:

- **плана содержания текста** (использование абсурдных сюжетных ходов и ситуаций);

- **плана выражения** (использование возможностей субъектной организации текста: авторской речи, чужой речи, в том числе речи героев, и др.). Кроме того, Н. В. Гоголь активно использовал и возможности речевой организации текста, в том числе:

- слова (инкрустации слов в контекст);
- словосочетания (нарушение лексической сочетаемости, парадокс, оксюморон);
- предложения (специфика структуры предложения, сочетание в предложении смыслов «утверждение» — «отрицание»);

- стилия (намеренный полистилизм);
- художественных деталей и иных изобразительных средств языка;

• **плана восприятия текста.**

Приведем примеры **текстового воплощения абсурда в творчестве Н. В. Гоголя** (повесть «Шинель», поэма «Мертвые души»).

1. Внешняя абсурдность сюжета в целом: «Жизнь героя наблюдается: 1) в „чистом“, традиционном виде, 2) в изменившемся виде (жизнь эпохи новой шинели) и 3) в искаженном виде (после утраты шинели и смерти героя)» [Язык Н. В. Гоголя: 58].

2. Абсурдная ситуация — появление мертвеца, снимающего с прохожих шинели (фантастичность ситуации подчеркнута автором):

- *Бедная история наша неожиданно принимает фантастическое окончание. По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом стасщенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели... И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение... будучи бессилён, он не посмел остановить его, а так шел за ним в темноте до тех пор, пока, наконец, привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: «тебе чего хочется?» и показало такой кулак, какого у живых не найдешь.*

Однако абсурдность этой ситуации тоже внешняя, кажущаяся. В связи со сказанным исследователи творчества Н. В. Гоголя отмечают: «Так, казалось бы, абсурдно (а в действительности глубоко логично) завершается повествование о чиновнике и его шинели — рассказом о привидении-грабителе, имеющем большую силу, и о полицейском, не имеющем силы там, где она необходима, но проявляющем свою власть перед бесправным» [Там же].

3. Абсурд на уровне субъектной организации текста (актуализация абсурда самим героем «Мертвых душ» Чичиковым):

- *«Ну что из него выжмешь, из этого бала? Ну если бы, положим, какой-нибудь писатель вздумал, описывать всю сцену, как она есть? Ну и в книге, и там была бы она так же **бестолкова**, как в натуре. Что она такое: нравственная или безнравственная ли? Просто черт знает*

что такое! Плюнешь, да и книгу потом закроешь».

4. Абсурд на уровне субъектной организации текста (акцентирование бессмысленности речи героя):

- *«А я вот к тебе, Петрович, того...» Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большей частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто начавши речь словами: «это право совершенно того...», а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что все уже выговорил»;*
- *Далее он говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять; можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели;*
- *Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне. «Этаково-то дело этакое, — говорил он сам себе, — я, право, и не думал, чтобы оно вышло того... — А потом, после некоторого молчания, прибавил: — Так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем предполагать не мог, чтобы оно было этак». За сим последовало опять долгое молчание, после которого он произнес: «Так этак-то! вот какое уж, точно, никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!»*

5. Абсурд на уровне субъектной организации текста (авторская саморефлексия):

- *Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и все, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома **слились и смешались так в голове**, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде.*

6. Абсурд на уровне речевой организации текста (неожиданная инкрустация слова в контекст):

- *Он (Петрович. — Н. Р.) вынул шинель из **носового платка**, в котором ее принес; платок был только что от прачки; он уже потом свернул его и положил в карман для употребления;*
- *В полиции сделано было распоряжение поймать **мертвеца** во что бы*

то ни стало, живого или мертвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели.

7. Абсурд на уровне речевой организации текста (нарушение нормативной сочетаемости слов в словосочетании):

- *«Нет, — подумала покойница, — имена-то все такие»;*
- *Шея его... казалась необыкновенно длиною, как у тех гипсовых котенков, болтающих головами, которые носят на головах целыми десятками русские иностранцы.*

8. Абсурд на уровне речевой организации текста (смысловое несоответствие начала и конца сложного предложения):

- *Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское, в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдавские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные легкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего, и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья.*

9. Абсурд на уровне средств языковой рефлексии [Вепрева 2005; Садова 2019], которые в сочетании с другими возможностями языка корректируют типичный, стандартный образ мира до гоголевского образа:

- *Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник, над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться.*

10. Абсурд на уровне художественных деталей, создающих гиперболизированную картину окружающего мира:

- *Галопад летел во всю пропалую: почтмейстерша, капитан-исправник, дама с голубым пером, дама с белым пером, грузинский князь Чипхайхилидзе, чиновник из Петербурга, чиновник из Москвы, француз Кукку, Перзуновский, Берендовский — все поднялось и понеслось;*
- *А уж там в стороне четыре пары откалывали мазурку; каблук ломали пол, и армейский штабс-капитан*

работал и душой и телом, и руками и ногами, отвертывая такие па, какие и во сне никому не случалось отвертывать.

11. Абсурд посредством намеренного отхода от канона и стилистической нормы: смешение стилей (полистилизм) и пафоса повествования: «Сатирическое, ироническое, комическое, лирическое причудливо сосуществуют в различных типах художественной речи и определяют эстетическую ориентацию при выборе и сочетании речевых средств» [Язык Н. В. Гоголя: 45]. Приведем примеры разностилевой (высокой, разговорной, устаревшей) лексики в небольшом фрагменте текста:

Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили на другом конце города будочника, который, подняв свою алебарду, закричал спросонья что стало мочи: «Кто идет?» — но, увидев, что никто не шел, а слышалось только издали дребезжанье, поймал у себя на воротнике какого-то зверя и, отошед к фонарю, казнил его тут же у себя на ноге. После чего, оставивши алебарду, опять заснул по уставам своего рыцарства.

12. Наконец, о творческом прочтении произведений Н. В. Гоголя, о внимании к языку и стилю писателя как условию **восприятия абсурдности гоголевского мира** наиболее точно, на наш взгляд, сказал В. Набоков:

«Намеки на что-то, скрытое за грубо разрисованными ширмами, так искусно вкраплены во внешнюю ткань повествования, что гражданственно мыслившие русские совершенно их упустили. Но творческое прочтение повести Гоголя открывает, что там и сям в самом невинном описании то или иное слово, иногда просто наречие или частица, например слова „даже“ и „почти“, вписаны так, что самая безвредная фраза вдруг взрывается кошмарным фейерверком; или же период, который начинается в несвязной, разговорной манере, вдруг сходит с рельсов и сворачивает в нечто иррациональное, где ему, в сущности, и место; или так же внезапно распадается дверь, и в нее врывается могучий, пенящейся вал поэзии, чтобы тут же пойти на снижение, или обратиться в самопародию, или прорваться фразой, похожей на скороговорку фокусника, которая так характерна для стиля Гоголя. Это создает ощущение чего-то смехотворного и в то же время нездешнего, постоянно таящегося где-то рядом, и тут уместно вспомнить, что разница между комической стороной вещи и их космической стороной зависит от одной свистящей согласной» [Набоков 1996: 125–126].

Обратимся к репрезентациям абсурда в произведениях писателей XX в. В качестве текстового материала были использованы пародии М. Булгакова «Багровый остров» и повести «Роковые яйца», в которых ясно видна специфика художественного мира писателя: «Булгаковский мир может иметь множество воплощений, в том числе полуфантастических и фантастических, но все это — грани одного, цельного мира, в котором „высокое“ и „низкое“ трагикомически слиты и отфильтровать одно от другого не удастся» [Яблоков 1994: 13]. Следует заметить, что реальность и фантастика, образующие особый, абсурдный художественный мир, переплетаются и в других произведениях М. Булгакова, например в фантастической дилогии «Блаженство» и «Иван Васильевич» [Бабичева 1985, 1988], однако ограниченный объем статьи не позволяет нам использовать текстовый материал в полном объеме. Как и в предыдущем случае, мы попытались проследить средства репрезентации абсурда в двух произведениях на уровне трех жанровых планов.

Абсурд на уровне плана содержания (взаимодействие собственно содержания и хронотопа текста)

- Абсурд ситуации, имеющей место быть в настоящее время:
 - *«Змеи идут стаями в направлении Можайска... откладывая невероятные количества яиц. Яйца были замечены в Духовском уезде...».*
 - Абсурд перспективной ситуации:
 - *Ей-богу, выйдет, — убедительно вдруг и задушевно сказал Рокк, — ваш луч такой знаменитый, что хоть слонов можно вырастить, не только цыплят.*
 - Абсурд предшествующей ситуации:
 - *Полайтис полагал, что вообще ничего этого не было, а просто-напросто Рокк душевнобольной и у него была страшная галлюцинация... Рокк привстал. Он несколько пришел в себя и сказал, простирая руки, как библейский пророк: — Слушайте меня. Слушайте. Что же вы не верите? Она была. Где же моя жена?*
 - Намеренные алогизмы (несоответствие смыслов в ближайшем контексте):
 - *Затем произошел товарообмен. Матросы сгрузили на берег с «Надежды» стеклянные бусы, тухлые сардинки, сахарин и огненную воду.*
- Бурно ликуя, эфиопы снесли на берег бобровые шкуры, слоновую кость, рыбу, яйца и жемчуг... Установились **правильные сношения**. Суда заходили в бухту, сбрасывали английские ценности, забирали эфиопову дрянь;*
- *— Тебе чего надо, эфиопская морда? — сухо спросил мрачный командир. Эфиоп пропустил комплимент мимо ушей и сразу приступил к делу;*
 - *Уехавшие уперли с собой подзорную трубу, испорченный пулемет, 100 банок сущенного молока, шесть дверных ручек, 10 револьверов и **двух европейских женщин**. Лорд перепорол оставшихся арапов и занес в книжку **стоимость похищенного**;*
 - *Дозвольте мне, ваша светлость, своими ручками ему **глоточку перерезать?***
 - *Отчего же. С удовольствием, — ответил лорд **благодарушно**, — только скорей, не задерживай посадку;*
 - *Когда Бронский появился в кабинете, Персиков настолько простер свою **ласковость**, что **рявкнул** ему: — Садитесь!*
 - *Чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой переименовалась в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике, пополнившись новой **чрезвычайной тройкой в составе шестнадцати товарищей**.*
- Аналогии:
 - *Непосредственно вслед за **жабами**... переселился в лучший мир бессменный сторож института старик **Влас**, не входящий в класс голых гадов. Причина смерти его, впрочем, была та же, что и у бедных гадов, и ее Персиков определил сразу: — Бескормица!*
 - Ученый был совершенно прав: Власа нужно было кормить мукой, а жаб мучными червями, но поскольку пропала первая, постольку исчезли и вторые.*
- #### Абсурд на уровне плана выражения
- Употребление слов **странный / странность, безумный** и других лексем со значением отклонения от нормы (указанное значение поддерживается контекстом):
 - *Говорил скрипучим, тонким, квакающим голосом и среди **других странностей** имел такую...;*

- История приняла размеры **странные** и чудовищные;
 - Жизнь профессора Персикова приняла окраску **странную**, беспокойную и волнующую;
 - Лысый, с **безумными** и незрячими глазами, с повисшею нижней челюстью человек;
 - Персикову бросилась в глаза основная и главная черта вошедшего человека. Он был **странно** старомоден;
 - Следующий день ознаменовался **страннейшими** и **необъяснимейшими** происшествиями;
 - ...разговоры в совхозе приняли **странный** и **двузначный** для Александра Семеновича оттенок;
 - Тотчас были забыты **странные** происшествия в роце и на пруде;
 - ... Над совхозом и окрестностями разлилась зеленоватая ночь. Была она **загадочна** и даже, можно сказать, страшна...;
 - Александр Семенович несколько осекся, пробурчал еще что-то и **впал в состояние изумления**. Дело-то на самом деле было **странное**;
 - Ни **нелепый слух**, пролетевший по Москве, о каких-то змеях, ни **странная** выкрикнутая телеграмма в вечерней газете ему остались неизвестны;
 - ...Воинские части останавливали панику **сумасшедших**, бегущих по стрелкам железных дорог из Смоленской губернии на Москву.
 - Нарушение лексической сочетаемости:
 - **пьяная** телеграмма;
 - **варево безумия**;
 - Океан, издавна за свои бури и волнения названный **Тухим**;
 - ...известный **сапожник-артиллерист**;
 - Кири, по обыкновению, лежал **негодный к употреблению** в своем вигваме;
 - — Га-га-га-га, — смеялся цирк так, что в жилах стыла **радостно и тоскливо** кровь и под стареньким куполом веяли **трапеции и паутина**;
 - Персиков, все более отдаляясь от затихающих **куриных вопросов**, все больше погрузился в изучение луча;
 - Персиков, **разноцветный**, **иссинябледный**, с сумасшедшими глазами поднялся с табурета;
 - Затем **истошный визг** пронизал весь совхоз, **разросся и взлетел**, а **вальс запрыгал как с перебитой ногой**.
 - Деформации фразем:
 - **работая до потери задних ног...**
 - Олицетворения:
 - ...**тараканы** куда-то провалились, показывая свое **злостное отношение К военному коммунизму**;
 - **Солнце** сидело низко **огненной рожею** между **рожами** молодых **подсолнухов**;
 - ...**трубка навакала** ему самое **любозное** и **всяческое содействие...**
 - Гиперболы:
 - **Курица, величиною с лощадь...**
 - На эстраде, рядом с кафедрой, сидела на стеклянном столе, тяжело дыша и серея, на блюде, влажная лягушка **величиною с кошку**;
 - Персиков ожил, и **весь мир** неожиданно узнал об этом, лишь только в декабре 1926 года вышла в свет брошюра: «Еще к вопросу о размножении бляшконосных или хитонов». 126 с. «Известия IV университета»;
 - Телеграммы, которые шли теперь всю ночь **напродолжение**, через каждые четверть часа, **становились все чудовищнее и страшнее**.
- Абсурд на уровне плана восприятия** (представлений, ассоциаций, возникающих как у читателей текста, так и у его героев)
- **Мальчишки-газетчики рычали и выли между колес моторов:**
— **Кошмарная находка в подземелье! Польша готовится к кошмарной войне!! Кошмарные опыты профессора Персикова!!**

*~

В настоящее время количество абсурдных высказываний резко увеличилось и в другом формате дискурса — в публицистическом. Это произошло по ряду причин, например, вследствие перехода законов онлайна в офлайн, но главное — под влиянием постмодернистских текстов, их алогичности, дискретности, игрового начала и интертекстуальности: «Один из принципов современного формата культуры — формата постмодерна — ни в чем не искать смысла, во всем искать заговор. Так устроена современная культура. Жаль, что идеология не понимает свои истинные цели (она все-таки должна формулировать смыслы) и идет на поводу у общекультурной жизни... Сегодня вся страна живет в формате постмодернизма. Посмотрите, мы сейчас живем в стране, которая одновременно является и наследницей Российской империи, и наследницей Советского Союза, и глобалистской страной, и одновременно очень архаичной. Часть страны

живет в XXI веке — в постиндустриальном обществе. Часть — в индустриальном обществе XX века, а отдельные территории еще не вышли из XVII века. То есть мы живем в очень сложно устроенной, лоскутной стране, и такая лоскутность — это как раз характерный признак постмодерна» (Алексей Иванов. Герой нашего времени. АИФ Урал. 2020, № 40).

Кроме отмеченного, на увеличение числа абсурдных высказываний повлияло изменение пафоса текстов СМИ в сторону их ироничности [Желтухина 2000; Костомаров 1999; Ляпун 2009; Шилихина 2014 и др.]. В качестве примера приведем иронические заголовки обзоров известного журналиста Максима Соколова, которые построены по принципу объединения разных понятий в одном логическом ряду и с нарушениями принятой лексической сочетаемости:

– *Эфемерная Лиза и виагра против Украины;*

– *Лауреаты старые и малые, клиническая словесность, рука дружбы из Амстердама, горячий эстонский парень;*

– *Два народных артиста, толоконный госсекретарь, замена долларов на тузрики, аскетичный сенатор и др.*

Исследование абсурда является для современной лингвистики очень важным направлением, так как абсурд лежит в основе множества фейков — главного оружия информационной войны.

Перспективой исследования абсурда в текстах современных СМИ является, с нашей точки зрения:

1. Выявление информационной природы абсурда:

- а) отсутствие смысла в высказывании;
- б) переакцентировка (трансформация) первоначального смысла.

2. Определение жанровой природы абсурдных высказываний.

3. Характеристика функций абсурда в рамках текстового фрагмента, целого текста или группы текстов.

4. Характеристика речевых репрезентаций абсурда (средств кодирования абсурдных высказываний).

5. Разработка серии приемов и целостной методики декодирования абсурда с целью разоблачения фейковых сообщений, и в первую очередь тех, которые несут политический смысл.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабичева, Ю. В. Комедия-пародия М. Булгакова «Багровый остров» / Ю. В. Бабичева. — Текст : непосредственный // Жанры в историко-литературном процессе. — Вологда : ВГПИ, 1985. — С. 138–152.
2. Бабичева, Ю. Фантастическая дилогия М. Булгакова: «Блаженство» и «Иван Васильевич» / Ю. Бабичева. — Текст : непосредственный // М. А. Булгаков-драматург и художест-

венная культура его времени. — Москва : Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. — С. 125–139.

3. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — Москва : ОЛМА ПРЕСС, 2005. — 384 с. — Текст : непосредственный.

4. Горячкина, М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина / М. С. Горячкина. — Москва : Просвещение, 1976. — 239 с. — Текст : непосредственный.

5. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики / М. Р. Желтухина. — Москва ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2000. — 264 с. — Текст : непосредственный.

6. Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2010. — 422 с. — Текст : непосредственный.

7. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений за речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. — 320 с. — Текст : непосредственный.

8. Лейдерман, Н. Л. Практикум по жанровому анализу литературного произведения / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, Н. В. Барковская, Т. А. Ложкова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 1996. — 46 с. — Текст : непосредственный.

9. Ляпун, С. В. Ирония в газетной публицистике конца XX — начала XXI веков: стилистический прием и стилевая тенденция / С. В. Ляпун. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2, Филология и искусствоведение. — 2009. — № 1. — С. 115–120.

10. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. — Москва : Независимая газета, 1996. — 440 с. — Текст : непосредственный.

11. Садова, Т. С. Метаязыковая рефлексия современных советских СМИ: по-русски говоря / Т. С. Садова. — Текст : непосредственный // Русистика в XXI веке: тенденция и направление развития. — Ереван : ЕГУ, 2019. — С. 128–132.

12. Словарь русского языка. В 4 т. = МАС. Т. 1. — Москва : Русский язык, 1981. — Текст : непосредственный.

13. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. — Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 383 с. — Текст : непосредственный.

14. Шилихина, К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии / К. М. Шилихина. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. — 304 с. — Текст : непосредственный.

15. Яблоков, Е. А. Они сошлись... / Е. А. Яблоков. — Текст : непосредственный // Михаил Булгаков, Владимир Маяковский: диалог сатириков. — Москва : Высш. шк., 1994. — С. 5–56.

16. Язык Н. В. Гоголя : учеб. пособие / А. Н. Кожин, Э. А. Веденяпина, Н. А. Кожевникова [и др.] ; под ред. А. Н. Кожина. — Москва : Высшая школа, 1991. — 176 с. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Babicheva, Yu. V. (1985). Komediya-parodiya M. Bulgakova «Bagrovyy ostrov» [Comedy-parody of M. Bulgakov «Crimson Island»]. In *Zhany v istoriko-literaturnom protsesse* (pp. 138–152). Volgoda: VGPI. (In Russ.)
2. Babicheva, Yu. (1988). Fantasticheskaya dilogiya M. Bulgakova: «Blazhenstvo» i «Ivan Vasil'evich» [Fantastic dilogy by M. Bulgakov: «Bliss» and «Ivan Vasilyevich»]. In *M. A. Bulgakov-dramaturg i khudozhestvennaya kul'tura ego vremeni* (pp. 125–139). Moscow: Soyuz teatral'nykh deyatelay RSFSR. (In Russ.)
3. Vepreva, I. T. (2005). *Yazykovaya refleksiya v postsovet-skuyu epokhu* [Language reflection in the post-Soviet era]. Moscow: OLMA PRESS, 384 p. (In Russ.)
4. Goryachkina, M. S. (1976). *Satira Saltykova-Shchedrina* [Satire of Saltykov-Shchedrin]. Moscow: Prosveshchenie, 239 p. (In Russ.)
5. Zheltukhina, M. R. (2000). *Komicheskoe v politicheskom diskurse kontsa XX veka. Russkie i nemetskie politiki* [Comic in the political discourse of the late twentieth century]. Moscow, Volgograd: Izd-vo VF MUPK, 264 p. (In Russ.)

6. Karasik, V. I. (2010). *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Linguistic Crystallization of Meaning]. Volgograd: Paradigma, 422 p. (In Russ.)
7. Kostomarov, V. G. (1999). *Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy za rechevoy praktikoy mass-media* [Linguistic taste of the era. From observations of the speech practice of mass media]. St. Petersburg: Zlatoust, 320 p. (In Russ.)
8. Leyderman, N. L., Lipovetskiy, M. N., Barkovskaya, N. V., & Lozhkova, T. A. (1996). *Praktikum po zhanrovomu analizu literaturnogo proizvedeniya* [Workshop on genre analysis of a literary work]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 46 p. (In Russ.)
9. Lyapun, S. V. (2009). Ironiya v gazetnoy publitsistike kontsa XX — nachala XXI vekov: stilisticheskiy priem i stilevaya tendentsiya [Irony in newspaper journalism of the late XX — early XXI centuries: stylistic device and style trend]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Filologiya i iskusstvovedenie, 1*, 115–120. (In Russ.)
10. Nabokov, V. V. (1996). *Leksii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta, 440 p. (In Russ.)
11. Sadova, T. S. (2019). Metayazykovaya refleksiya sovremnykh sovetskikh SMI: po-russki govorya [Metalinguistic reflection of modern Soviet media: in Russian speaking]. In *Rusistika v XXI veke: tendentsiya i napravlenie razvitiya* (pp. 128–132). Erevan: EGU. (In Russ.)
12. Dictionary of the Russian language (1981). *Slovar' russkogo yazyka* (In 4 vols., Vol. 1). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.)
13. Smetanina, S. I. (2002). *Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka)* [Media text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism at the end of the twentieth century)]. St. Petersburg: Izd-vo Mikhaylova V. A., 383 p. (In Russ.)
14. Shilikhina, K. M. (2014). *Semantika i pragmatika verbal'noy ironii* [Semantics and pragmatics of verbal irony]. Voronezh: Nauka-Yunipress, 304 p. (In Russ.)
15. Yablokov, E. A. (1994). Oni soshlis'... [They met...]. In *Mikhail Bulgakov, Vladimir Mayakovskiy: dialog satirikov* (pp. 5–56). Moscow: Vyssh. shk. (In Russ.)
16. Kozhin, A. N., Vedenyapina, E. A., Kozhevnikova, N. A., et al. (1991). *Yazyk N. V. Gogolya* [The language of N.V. Gogol] [Textbook] (Ed. A. N. Kozhin). Moscow: Vysshaya shkola, 176 p. (In Russ.)